

Я пришёл к пониманию исконно русской прозы великого самородка нашей Отчизны Валентина Григорьевича Распутина тогда, когда самому было уже за тридцать. Ведь у всех читающих людей это происходит по-разному, поэтому простите меня, добрые люди, но так уж случилось. Разве мог я хоть на миг представить, что жизнь, данная мне Богом, подарит мне переписку с великим русским писателем Василием Ивановичем Беловым и его замечательной женой Ольгой Сергеевной. А переписка с вдовой Ольгой Сергеевной продолжается и поныне. В письме, пришедшем совсем недавно, она пишет, что в Вологде будет открыт музей, посвящённый памяти Василия Ивановича Белова. И вот ведь какой высокой нравственности человек, нашла строки, чтобы порадовать и мою грешную душу, поздравила с выходом моей книги «Аналой», где на первых страницах я поместил публицистику о великих писателях-деревенщиках: Василии Ивановиче Белове и Валентине Григорьевиче Распутине.

И вот 19 марта 2015 года в Знаменском соборе Иркутска прощание с Валентином Распутиным. Комок к горлу подходил много раз, когда вчера по православному каналу «Союз» смотрел прямую трансляцию из храма Христа Спасителя, где шло отпевание нашего великого земляка, праведника земли сибирской, Валентина Григорьевича Распутина. Вёл её Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. И многие, многие люди нашей Отчизны в это время молились и плакали...

В Иркутской области губернатором Сергеем Ерошенко был объявлен траур, и по радио все эти дни шли передачи замечательного нашего журналиста Татьяны Сазоновой, а я записывал их на диктофон, понимая, что другие-то края и области нашего Отечества их никак не услышат.

Вспомнилось (да и как об этом не вспомнить), прозаик и поэт Василий Скробот рассказывал мне: «Полгода назад это было. Зашёл я в одну из иркутских больниц (тоже ведь давно хвораю), смотрю - в живой очереди на приём к врачу сидит Валентин Григорьевич. Увидел он меня:

“Здравствуй, Вася!” Он так меня всегда и звал. Присел я с ним рядом, поговорили, как всегда, о жизни». Рассказывали, что однажды в гостинице не оказалось места, и Валентин Григорьевич ночевал на лавочке. Ведь ему стоило бы только позвонить - и приехали бы, и обслужили бы по высшему разряду. Нет же, именно так, как все, и никак иначе. Вот она, наивысочайшей нравственной глубины скромность великого писателя.

Милое и родное проводное радио. Два дня назад редакция устроила встречу Татьяны Сазоновой с поэтом, бывшим редактором журнала «Сибирь» Василием Козловым, который вспоминает: «Познакомились мы с Валентином Григорьевичем в детском саду – дети наши ходили в один детский садик. Когда приходил в редакцию, а, как правило, там всегда шло широкое обсуждение очередного номера журнала “Сибирь”, он же сидел и молчал. Потом же очень обстоятельно и толково высказывал свою точку зрения. А высказал ли кто боль за Сибирь сильнее, чем Распутин, думаю, таковых очень мало. Первое, что я прочёл, это была повесть “Деньги для Марии”. Сам писатель, и я это слышал, считал это произведение лучшим из того, что он написал. Русский язык живой, как жизнь. Именно за его чистоту и боролся всю жизнь наш великий земляк. Как-то мы были в поездке в Сростках. Я задержался и пришёл в гостиницу позже всех. Вахтёр и говорит: “Вас просил зайти Валентин Распутин”. Захожу, а он покушать для меня собрал - такое всерьёз трогает и остаётся на всю жизнь. Он и приезжающих в Иркутск писателей постоянно приглашал переночевать к себе домой. А когда шло время поста, то жена его угощала нас пшённой кашей с тыквой, очень, кстати сказать, вкусно. Однажды на рыбалке, после того, как все отведали ухи, Валентин Григорьевич собрал все чашки и кружки, спустился к воде и начал их мыть. Такой вот человек».

Заканчивалось время передачи, и Татьяна Сазонова объявила, что накануне появилась видеокнига «Прощание с Матёрой» и с заметной горечью в голосе добавила, что готовили это к его дню рождения. Готовится к изданию и новая книга о путешествии по Ангаре Валентина Распутина и Валентина Курбатова. Действие происходило во время съёмки документального фильма «Река Жизни» московского режиссёра Сергея Мирошниченко. До сих пор стоит перед моими глазами, как два великих писателя плывут по Ангаре, причаливают к деревням, общаются с жителями сибирских срубных деревень и записывают в блокноты свои мысли. Был с ними в поездке и издатель Геннадий Сапронов – человек, переиздавший все произведения Валентина Григорьевича Распутина и Виктора Петровича Астафьева. Горестная картина.

Светлой Памяти Валентина Распутина

предстала перед ними: забытые государством и местными властями сибирские деревни выживают, как могут. Иркутская, Братская, Усть-Илимская гидроэлектростанции, получающие громадные прибыли, процветают, а жители окрестных деревень живут наибеднейшим образом. Теперь же уже затоплено ложе новой, Богучанской ГЭС. Фильм снимали до готовящегося затопления, и невольно, особенно сейчас, думаешь, что Господь нёс нашего писателя на руках, ибо сердце его ещё тогда бы не выдержало ужасающей разрухи. А те деревни с погостами, что затоплены, всё же нет-нет и напоминают о себе. Приехала моя знакомая Клавдия Николаевна Петрова на моторной лодке проведать место, где была её деревня Антоново, располагавшаяся когда-то на острове. Остров-то остался, а вокруг вымытые водой из могил лежат

черепы да кости предков Клавдии. Фильм «Река жизни» можно легко найти в Интернете. После этой поездки не выдержало сердце Геннадия Сапронова. Не стало ещё одного истинного патриота нашей Отчизны.

Позвонил филологу Зое Александровне Ян-Фа, нашему знаменитому братскому библиотекарю, и вот что она мне рассказала:

«В 1971 году я поехала в командировку в Иркутск. Марк Сергеев познакомил меня с молодым писателем Валентином Распутиным. До этого в журнале «Сибирь» была опубликована его повесть «Деньги для Марии». Написав рецензию на это произведение, я отнесла в редакцию газеты «Огни Ангары», и её опубликовали. Рассказала об этом Валентину Григорьевичу, и он был приятно удивлён. Братск он считал родным, приезжал сюда много раз, хорошо отзывался о творчестве наших братских литераторов: Иннокентия Захаровича Черемных, Геннадия Павловича Михасенко, Юрия Черных, Владимира Васильевича Корнилова Василия Александровича Скробота - и о многих других талантливых братчанах. Посещал с Геннадием Сапроновым знаменитую на весь мир библиотеку Виктора Соломоновича Сербского. Включаю радио. В эфире Татьяна Сазонова. Бегу за диктофоном, записываю речь Владимира Крупина: «Главное, Распутин завещал нам любить свою Родину. Может быть, своим уходом Валентин Григорьевич

повернёт власти к изданию действительно глубоко нравственных книг, во всяком случае, у нас появилась надежда. Ведь раньше распространение книг было действительно государственным делом. Когда Валентина Григорьевича спрашивали: «Что будет с литературой?», - он отвечал: «Ничего не будет, как читали, так и будут читать, пока будут читать, будет литература». Запись была некачественной, напоследок Владимир Крупин произнёс: «Ведь книга помогала сохранять нравственность народа».

Иркутский журналист Татьяна Сазонова, поговорив по телефону с Владимиром Крупиным, переключается на пришедших в студию гостей, и один из них - Константин Петрович Романенко - говорит:

«Вы знаете, сейчас очень много людей говорят о завещаниях Распутина – повести «Живи и помни», а вот для меня лично завещание – в его последней повести «Дочь Ивана, Мать Ивана». Приведу несколько строк из этой повести:

«Но когда звучит в тебе русское слово, издаেকে – далеко доносящее родство всех, кто творил его и им говорил... Когда плачет оно, это слово, горькими слезами уводимых в полон... молодых русских женщин; когда торжественной медью гремит в дни побед и стольных праздников; когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно и в какие нежно, приготовляя такие речи, лучше которых нигде не сыскать, и как напитать душу ребёнка добром, и как утешить старость в усталости и печали – когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанным родовой кровью, - вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета, с древнейших времён оно само по себе непорушимая клятва и присяга».

И вот звучит запись встречи Валентина Григорьевича с молодёжью Иркутского вуза (1988 год). Писателю задали вопрос: «Какая сейчас молодёжь?» Он ответил просто: «Вкусы молодёжи должны отличаться от вкусов взрослых. Молодёжь берёт своё. Но Дюма предостерегал молодёжь: «Сам по себе этот мир вам нравится и, разумеется, вы хотите изменить его к лучшему». Но всё пройдёт, мир останется миром, дай Бог, чтобы и добра в мире прибавилось. И когда спрашивают, какая у нас молодёжь: хорошая или плохая? Да не хорошая и не плохая, а ровно такая, какая и должна быть».

В этом же выступлении писатель предостерегал от повального увлечения роком, пришедшим к нам с Запада, с его революционными идеями, воспевающими дьявола. Закончил же такими словами: «Смотрите, профугуете Россию».

На передаче заговорил уже молодой человек Александр Качалов:

«Действительно, сейчас идёт повальное увлечение роком, но беда в том, что многие даже не знают, что поют, какие там слова. Ну, о чём тут можно говорить».

Слово передала молодой девушке Маше

Кузнецовой:

«Я играла роль по произведению Валентина Григорьевича “Последний срок”. До сих пор стоит в глазах, как был тронут наш любимый сибирский писатель нашей игрой. В адрес меня он говорил, что Нинка получилась очень живая, прямо как в книге. Именно от Распутина пришло в мою душу это волшебное отношение к бабушкам. В 2009 году мы ездили в Москву, выступали на Таганке. Спектакль произвёл огромное впечатление на москвичей. Валентин Григорьевич был на этом спектакле. После подошёл к нам и тепло, словно отец родной, поговорил с нами. А он и есть отец наших русских душ. После прочтения любого произведения нашего великого земляка ощущаешь ответственность перед своей страной, Матушкой-Русью».

Пока Маша Кузнецова говорила, Татьяна Сазонова связалась с другом Валентина Григорьевича, писателем Альбертом Семёновичем Гурулёвым:

«Сам себя спрашиваю и не верю ещё, не ощутил... Осознание, кого мы потеряли, придёт только потом. Мы ведь с ним в одном общежитии жили. Жизнь так распорядилась, что всё время были вместе. Работали в одной редакции, ездили по деревням всегда вместе. На моём семидесятипятилетии вдвоём с ним сидели, просто пили чай, говорили о жизни. Из всего того, что написал мой друг, мне дорого всё. И когда бывали в деревнях, он мне показывал живых героев своих повестей, просто говорил: “Вон видишь, мужик пошёл, вот он тот-то и тот-то”. У него был мельчайший бисерный почерк и никто никогда не видел, когда он писал. Видели лишь рукописи. Всякому писателю важно уединение, и ему это было крайне необходимо, но всегда на столе у него лежал остро наточенный карандаш. Был он всё-таки неразговорчивым человеком, но нашей Иркутской писательской организации при таком писателе нужно было, конечно, держать высокую планку, ни о какой пакости не могло быть и речи. Последнюю встречу помню так: лежал он в областной больнице, позвонил и сказал: “Вот у меня ещё одна забота - новая болезнь”. Через несколько дней пришёл ко мне домой, сказал, что собирается лететь в Москву. О болезни мы даже не говорили, он не любил эти вещи. Он же мужик сибирский, без внешнего проявления чувств, а тут вдруг подошёл, обнял, и я уже тогда почувствовал неладное».

Пока шла запись, по признанию Татьяны Сазоновой, приходилось несколько раз останавливаться, Альберт Семёнович горько плакал.

Поставили запись молодого сибирского писателя, живущего на Лене, Андрея Антипина:

«Больше всего я люблю рассказы “Уроки французского”, “В ту же землю”, особенно последний из названных. На мой взгляд, с девяностых годов очень трудно найти в русской литературе по боли за русских людей сильнее этого. Боль и борьба Распутина за гибель реки Ангары по-

прежнему актуальна, ведь Богучанскую ГЭС ввели в эксплуатацию. Распутинский крик о Сибири, которую уничтожают, его слово, которое он несёт, и будет нести до всех нас, живее всех живых. Жаль, что молодёжь мало читает вообще, и очень тревожно за нашу будущность».

Далее Маша Кузнецова читала эпизод про коня Игренью, и от распутинской прозы, думается мне, у многих, кто слушал в этот момент наше иркутское проводное радио, навернулись на глаза слёзы очищения. Молодая девушка до боли трогательно читала: «Игренья, – приговаривала она. – Ты это чё удумал, Игренья? От дурной, от дурной. Он уж трава полезла, а ты пропадать собрался. Осталось дотерпеть, то неделю, не больше, и жить будешь, любая кочка на жвачку подаст. Ты погоди, Игренья, не поддавайся. Раз уж зиму перезимовал, теперь и сам Бог велел потерпеть. Осталось-то уж, господи, раз плюнуть осталось-то. Чё там зиму – войну мы с тобой пережили. Всю войну ты, бедовый, на лесозаготовках маялся, бревны таскал, а такая ли это работа? И таскал, дюжил. А тут уж на характере можно продержаться, я давно уж на характере держусь».

Плачу, плачу, плачу... Два года назад состоялась встреча Валентина Григорьевича в Качугской школе, и мы, благодаря Татьяне Сазоновой, слушаем слова учителя русского языка и литературы Инги Валерьевны Зуевой:

«Чувствовал он себя уже плохо, но приехал к нам на Лену. Рассказывал ребятам много о дружбе, о том, как писал рассказ “Уроки французского”. После встречи ребята, как к родному дедушке, подходили к нему за советом, а кто и с просьбой, даже приобнимали его, и это всё в их сознании прекрасно совмещалось. Жукова Лена написала после встречи сочинение. Там были такие слова: «Распутинская проза всегда открытие. Перечитываешь, и каждый раз узнаёшь что-то новое. Приходит понимание, что всю жизнь тебя носит кто-то на крыльях, но и ты несёшь перед кем-то ответственность и вновь и вновь задумываешься о том, как ты живёшь».

И вот уже одиннадцатиклассник Александр Качалов вспоминал свою встречу с великим писателем: «Я читал тогда стихотворение иркутского поэта Ростислава Филиппова “Матерятся женщины в трамвае”. Было это шесть лет назад, теперь осталось на всю мою жизнь. Ведь русский патриотизм идёт из глубины души, именно глубинный патриотизм, к чему всю свою жизнь призывал нас наш великий праведник Валентин Григорьевич Распутин».

Зная, что на Иркутский Дом литераторов были нападки коммерческих структур, и что спасло тогда имя Распутина, опасаясь, как бы вновь барыги не возобновили свою бесовскую борьбу, и помощи нашим воистину замечательным иркутским литераторам, Господь, продолжать и приумножать дело жизни нашего великого земляка. Выпишу и строки журналиста Ирины Лагуновой из

фотоальбома «Валентин Распутин. Дорога домой»: «Желание помогать людям у писателя всегда было очень острым. Наверное, прошло уже с десяток лет с тех пор, как в Усть-Уде решено было строить церковь. Валентин Григорьевич во всём этом принимал самое деятельное участие. В те годы, рассказывает Изольда Александровна Алымова, все свои гонорары за книги он переводил в фонд строительства. Когда бюджет на стройке совсем оскудевал, Валентин Григорьевич отправлялся на приёмы, и его имя оказывало магическое действие на всех, кто был в силах хоть как-то материально помочь в возведении церкви. Богоявленский храм уже давно принимает прихожан, пять лет назад в нём начал службу протоиерей отец Владимир. Усть-удинцы хорошо понимают, чьими стараниями был воздвигнут храм, и благодарят писателя».

Много лет Валентин Распутин навещал свою родину, затерявшуюся в усть-удинской тайге, привозил сюда знаменитых писателей, предупреждая их, чтобы брали с собой резиновые сапоги, ибо в деревне без них беда. Позапрошлым летом писатель принял для себя серьёзное решение. Собрал тома «Всемирной литературы» из личной библиотеки и отправил их в усть-удинскую районную библиотеку, сказал: «Пусть читают». В родной Аталанке его хлопотами была построена новая кирпичная школа. Поговаривают о том, чтобы сделать родовой дом писателя музеем. Местные жители уверены в том, что если бы не их знаменитый земляк, влачить бы Аталанке совсем жалкое существование, как и большинству леспромхозовских посёлков, которые закрывают или расселяют по соседним сёлам.

Снова привожу строки Ирины Лагуновой из редкостного фотоальбома: «Однажды, в очередной свой приезд в усть-удинские родные края, сам того не ожидая, писатель получил приятный подарок от депутата областного Законодательного собрания Андрея Чернышева – целый автомобильный кузов книг писателя для сельских библиотек. Пока переплывали на пароме залив от балаганского

причала, разбирали стопки книг, а Валентин Григорьевич подписывал их. В этой поездке был и Владимир Ильич Толстой. Позже он признавался, что побывать на родине великого русского писателя – для него большая честь, и он давно мечтал об этом». Хочу добавить, что депутат Андрей Чернышев стал одним из главных помощников писателя по возведению храма. Много добрых дел за этим меценатом, помогавшим Валентину Григорьевичу все последние годы его жизни. Приведу и строки из письма Валентина Григорьевича Изольде Александровне Алымовой, ибо сейчас каждая крупница о великом писателе чрезвычайно важна, прежде всего нам, ныне живущим: «Дорогая-предорогая Изольда Александровна! Спасибо за письмо, тёплое, живое, доброе и обстоятельное. Только из глубинок могут приходиться такие письма, в которых ничего не забывается и всё к месту. Читал его и невольно улыбался, представляя Вас и хорошо слыша Ваш голос. Особенно меня поразила Ваша столетняя мама с прекрасным языком и неиссякаемым интересом к жизни. И двух месяцев ещё не прошло, как мы в Москве, а кажется – год прошёл. В Москве теперь и здоровым-то не позавидуешь. Такая здесь тьма и осенью, и зимой, и даже летом. И так Москва забита людьми, что я стараюсь лишний раз не передвигаться по ней».

Сейчас в Аталанке – полное отсутствие сотовой связи, нерегулярное транспортное сообщение, низкая рождаемость. Из цивилизации остался лишь теплоход. Ровно такая картина почти во всех сёлах и деревнях Иркутской области.

Все эти дни, записывая передачи на диктофон, держал на столе лист бумаги. Разумеется, поэзией это не назовёшь, но, когда умирает любимый писатель, каждый волен выражать своё мнение так, как подсказывает нутро:

Распутин, Астафьев, Белов.

Деревни славянская лира.

Прозрение русских умов.

Словесность кондового мира...

